

ФРАНЦ КАФКА

ПРЕВРАЩЕНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
К30

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого

Серийное оформление *Е. Фerez*

Кафка, Франц.

К30 Превращение : [сборник ; перевод с немецкого] / Франц Кафка. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-095174-1

В сборник вошли наиболее известные «малые» произведения Кафки разных лет. Здесь и так называемые кафкианские кошмары — «Превращение», «В исправительной колонии», изящные притчи — «Охотник Гракх», «Правда о Санчо Пансе», сатирические рассказы и миниатюры, а также дневниковая проза.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-17-095174-1

© ООО «Издательство АСТ», 2016

СБОРНИК «КАРЫ»

Приговор*

История для Ф.Б.

Это было воскресным утром, дивной весенней порой. Георг Бендеман, молодой коммерсант, сидел в своей комнате, во втором этаже одного из приземистых, наскоро построенных зданий, что вереницей протянулись вдоль реки, слегка отличаясь одно от другого разве лишь высотой и колером покраски. Он только что закончил письмо другу юности, обретавшемуся теперь за границей, с наигранной медлительностью заклеил конверт и, облокотившись на письменный стол, устремил взгляд за окно — на реку, мост и холмы на том берегу, подернувшиеся первой робкой зеленью.

Он размышлял о том, как его друг, недовольный ходом своих дел дома, несколько лет назад буквально сбежал в Россию. Теперь у него была своя торговля в Петербурге, заладившаяся поначалу очень даже споро, но уже давно идущая ни шатко ни валко, если верить сетованиям друга во время его наездов на родину, раз от разу все более редких. Так он и мыкался без всякого толку на чужбине, окладистая борода странно смотрелась на его столь близком, с детства знакомом лице, чья нездоровая желтизна наводила теперь на мысль о первых признаках

* © Перевод. М. Рудницкий, 2012.

подкрадывающейся болезни. Друг рассказывал, что с тамошней колонией земляков, по сути, не общается, ни с кем из местных семейств тоже знакомств не завел, так что окончательно и бесповоротно направил свою жизнь в холостяцкую колею.

О чем писать столь очевидно сбившемся с пути человеку, которому впору посочувствовать, но помочь нечем? Допустим, посоветовать вернуться на родину, начать новую жизнь здесь, возобновив — к чему нет никаких препятствий — прежние отношения и положившись, среди прочего, на помощь друзей? Но это означало бы не что иное, как сказать ему — чем мягче и бережней, тем для него болезненней, — что все прежние его начинания пошли прахом и надо поставить на них крест, пойти на попятный, вернуться сюда, где все будут опасливо пялиться на него именно как на возвращенца, и только немногие друзья отнесутся к нему с пониманием, но и для них он навсегда останется лишь постаревшим ребенком, обреченным безропотно слушаться своих никуда не уезжавших приятелей, ибо те сумели преуспеть дома. Да и есть ли уверенность, что все мучения, которые невольно придется причинить другу подобным посланием, не окажутся напрасными? Удастся ли вообще стронуть его с места, вытащить домой — ведь он сам не раз говаривал, что жизни на родине давно не понимает, — и тогда он, вопреки всему, останется на чужбине, только без нужды ожесточенный непрошеными советами и еще чуть больше отдалившись от своих и без того далеких друзей. Если же он вдруг и в самом деле последует совету, но — и не просто по склонности натуры, а под гнетом обстоятельств — впадет здесь в нищету и уныние, не обретя себя ни с помощью приятелей, ни без них, страдая от стыда и унижений, теперь-то уж окончательно лишившись родины и друзей, — разве в таком случае не правильнее для него оставить все как есть и продолжать жить на чужбине? А учитывая все обстоятельства, возможно ли

рассчитывать, что ему и впрямь удастся повернуть здесь свои дела к лучшему?

Исходя из всех этих соображений, получалось, что другу, если вообще поддерживать с ним переписку, ничего существенного, о чем без раздумий напишешь даже самым дальним знакомым, сообщать нельзя. Он уже больше трех лет не был на родине, крайне неубедительно объясняя свое отсутствие политическим положением в России, смутная ненадежность которого якобы исключает для мелкого предпринимателя возможность даже самой краткой отлучки, — и это во времена, когда сотни тысяч русских преспокойно разъезжают по всему свету. Между тем именно за эти три года в жизни Георга очень многое переменялось. О кончине матери, последовавшей около двух лет назад, после чего Георгу пришлось зажить одним хозяйством с престарелым отцом, друг, видимо, еще успел узнать и выразил соболезнование письмом, странная сухость которого объяснялась, вероятно, лишь тем, что вдали, на чужбине, воспроизвести в душе горечь подобной утраты совершенно невозможно. Георг, однако, после этого события гораздо решительнее взялся за ум и за семейное дело. То ли прежде, при жизни матери, по-настоящему самостоятельно развернуться ему мешал отец, ибо признавал в делах только одно мнение, свое собственное. То ли сам отец после смерти матери, хоть и продолжал работать, стал вести себя потише, то ли, и это даже очень вероятно, судьбе охотнее обычного пособил счастливый случай, — как бы там ни было, а за эти два года семейное дело, против всех ожиданий, резко пошло в гору. Штат служащих пришлось удвоить, оборот возрос впятеро, да и в грядущих успехах не приходилось сомневаться.

Друг, между тем, обо всех этих переменах понятия не имел. Прежде — в последний раз, кажется, в том самом письме с соболезнованиями — он все пытался уговорить Георга тоже перебраться на жительство в Россию, распи-

сывая самые наилучшие виды, какие открываются в Петербурге именно в его, Георга, отрасли. А цифры при этом называл ничтожные в сравнении с объемами, которыми ворочает теперь Георг в своем магазине. Тогда Георгу не хотелось расписывать другу свои деловые успехи, а сейчас, задним числом, это тем более выглядело бы странно.

Вот он и ограничивался тем, что писал другу о всякой ерунде, какая без порядка и смысла всплывает в памяти в покойные воскресные часы. Хотелось одного: ни в коем случае не потревожить образ родного города, сложившийся в представлении друга за годы отсутствия, каковым представлением друг, похоже, и предпочитал довольствоваться. В итоге как-то само собой вышло, что о предстоящей помолвке совершенно безразличного ему знакомого со столь же безразличной ему барышней Георг с довольно большими промежутками уведомил друга уже в трех письмах, вследствие чего тот, что никак в намерения Георга не входило, оным курьезным пустяком даже весьма заинтересовался.

И все же Георг предпочитал писать о подобной чепухе, нежели признаться, что сам вот уже месяц как помолвлен — с мадемуазель Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи. Он, кстати, часто беседовал с невестой об этом своем друге и о странностях их переписки.

— Выходит, он даже на свадьбу не приедет? — удивлялась та. — Мне кажется, я вправе увидеть всех твоих друзей.

— Да не хочется его беспокоить, — отвечал Георг. — Пойми меня правильно, он наверняка приедет, по крайней мере мне хочется так думать, но приедет безо всякой охоты, будет чувствовать себя обделенным, а может, и завидовать мне, и, не в силах устранить саму причину огорчения, конечно же, будет огорчен, что снова возвращается домой один. Один — ты хоть понимаешь, что это значит?

— Но разве не может он прослышать о нашей свадьбе от кого-то еще?

— Что ж, предотвратить этого я не могу, однако при его образе жизни это маловероятно.

— При таких друзьях, Георг, тебе вовсе не стоило бы жениться.

— Да, это наша с тобой общая вина, но даже сейчас мне не хотелось бы ничего менять.

А немного погодя, когда она, прерывисто дыша под его поцелуями, произнесла: «И все-таки меня это задевает», — он подумал, что и вправду ничего обидного не совершит, если начистоту напишет другу все как есть.

«Ну да, я такой, пусть таким меня и принимает, не могу же я перекроить себя в другого человека, более способного к дружбе с ним, нежели я сам».

И действительно, в пространным письме, написанном в это воскресное утро, Георг уведомил друга о своей помолвке вот в каких словах: «А самое радостное известие я припас напоследок. Я заключил помолвку с одной барышней, мадемуазель Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи, которая поселилась в наших краях много позже твоего отъезда, так что вряд ли ты ее знаешь. Мне еще представится случай рассказать о своей невесте подробнее, сегодня тебе довольно услышать, что я весьма счастлив, а в наших с тобой отношениях переменится лишь одно: вместо самого заурядного друга у тебя теперь будет счастливый друг. Вдобавок и в моей невесте, которая на днях сама тебе напишет, а сейчас шлет сердечный привет, ты обретешь задушевную подругу, что для холостяка отнюдь не безделица. Я знаю, многое удерживает тебя от приезда в родные места. Но разве моя свадьба — не подходящий повод хоть однажды махнуть рукой на все препоны? Впрочем, как бы там ни было, ты волен поступать без церемоний, сугубо по своему усмотрению».

С этим-то письмом в руках Георг и замер в долгом раздумье за письменным столом, устремив взор за окно. Знакомому, который, проходя внизу по улице, с ним поздоровался, он едва ответил отрешенной улыбкой.

Наконец, сунув письмо в карман, он вышел из комнаты и наискосок по коридорчику направился в комнату к отцу, куда не заглядывал уже несколько месяцев. Особой нужды туда заглядывать не было, ведь они с отцом постоянно виделись в магазине. И обедали в одно и то же время в одном трактире, хотя ужинали порознь, по своему хотению и вкусу, но после еще какое-то время сживали вместе в общей гостиной, каждый за своей газетой, если только Георг, как это чаще всего и бывало, не проводил вечер с друзьями или, как намечалось нынче, в гостях у невесты.

Георг удивился, до чего темно в отцовской комнате даже таким солнечным утром. Вот, значит, как застит свет высоченная стена, нависающая над их узким двориком. Отец сидел у окна в углу, где были собраны и развешены вещицы и фотографии в память о покойной матери, и читал газету, причем держал ее перед собой не прямо, а вкось, подлаживаясь глазами к какой-то старческой немощи зрения. На столе Георг разглядел остатки завтрака; судя по их виду, поел отец без всякого аппетита.

— А-а, Георг, — встрепенулся отец и тотчас направился ему навстречу.

На ходу его тяжелый халат распахнулся, полы резко разошлись в стороны. «Отец у меня все еще богатырь», — успел подумать Георг.

— Здесь же темень несусветная, — вымолвил он чуть позже.

— Верно, темень, — отозвался отец.

— А у тебя еще и окно закрыто?

— Мне так лучше.

— На улице-то совсем тепло, — как бы в подкрепление сказанному заметил Георг, присаживаясь.

Отец принялся убирать со стола посуду, переставляя ее на комод.

— Я только хотел сказать тебе, — продолжал Георг, рассеянно, но неотрывно следя за стариковскими движениями отца, — что все-таки написал в Петербург о своей помолвке.

Он на секунду за самый краешек извлек конверт из кармана и тут же уронил его обратно.

— В Петербург? — переспросил отец.

— Ну да, моему другу, — пояснил Георг, стараясь перехватить отцовский взгляд. «В магазине-то он совсем не такой, — пронеслось у него в голове. — Вон как расселся, вон как руки на груди скрестил».

— Ну да. Твоему другу, — повторил отец со значением.

— Ты же знаешь, отец, сперва я хотел эту новость от него утаить. По одной только причине: щадил его чувства. Сам знаешь, человек он тяжелый. Вот я и сказал себе: если он прослышит о моей свадьбе от кого-то еще, что при его замкнутом образе жизни маловероятно, тут уж ничего не поделаешь, но сам я покамест ничего сообщать ему не стану.

— А теперь, значит, опять передумал? — проговорил отец, откладывая на подоконник пухлую газету, а на газету очки, которые для верности прикрыл ладонью.

— Да, теперь опять передумал. Я сказал себе: если он мне настоящий друг, то счастье моей помолвки и для него будет счастьем. А коли так, самое время обо всем ему сообщить без околичностей. Только вот, прежде чем письмо отправить, тебе зашел сказать.

— Георг, — проговорил отец, странно распяливая беззубый рот, — послушай-ка меня. Ты зашел по делу, зашел посоветоваться. Что, несомненно, делает тебе честь. Только это пшик и даже хуже, чем пшик, если ты, придя посоветоваться, не говоришь мне всей правды. Не стану касаться вещей, которые к делу не относятся.

Хотя после смерти нашей незабвенной, дорогой матери кое-какие некрасивые вещи имели место. Может, еще придет время обсудить и их, причем скорее, чем мы думаем. Я стал кое-что упускать в делах, а может, от меня кое-что и скрывают — хотя сейчас мне не хотелось бы думать, что от меня что-то скрывают, — у меня уже и силы не те, и память не та. Столько дел — я не могу, как раньше, все удержать в голове. Во-первых, годы, с природой не поспоришь, а во-вторых, смерть нашей матушки потрясла меня куда сильнее, чем тебя. Но коль скоро мы обсуждаем это дело, говорим об этом письме, прошу тебя, Георг, не надо меня обманывать. Это ведь мелочь, она не стоит и вдоха, поэтому не обманывай меня. Разве у тебя и вправду есть друг в Петербурге?

От растерянности Георг встал.

— Оставим лучше моих друзей. Будь их хоть тысяча, они не заменят мне родного отца. Знаешь, о чем я подумал? Ты совсем себя не щадишь. А возраст все-таки заявляет свои права. В деле мне без тебя не обойтись, ты прекрасно это знаешь; но если работа угрожает твоему здоровью, я прикрою магазин завтра же. Так не пойдет. Нам следует переменить твой образ жизни. Причем в корне. Ты сидишь здесь в темноте, хотя в гостиной тебе было бы светло и уютно. Тебе надо как следует питаться, а ты едва притронулся к завтраку. Ты сидишь при закрытом окне, когда тебе надо дышать свежим воздухом. Нет, отец! Я позову врача, и мы во всем станем следовать его предписаниям. Мы поменяемся комнатами, ты переедешь в мою, а я переберусь сюда. Ни малейших перемен ты не почувствуешь, мы перенесем отсюда туда все как есть. Впрочем, это пока не к спеху, а сейчас лучше приляг ненадолго, тебе обязательно нужно отдыхать. Дай-ка я помогу тебе раздеться, вот увидишь, у меня получится. Или хочешь сразу перейти в мою комнату, тогда мы пока что уложим тебя на мою кровать. Пожалуй, это будет самое правильное.

Георг стоял над отцом почти вплотную; тот замер в кресле, тяжело понутив седую, всклокоченную голову.

— Георг, — произнес отец тихо, по-прежнему не шевелясь.

Георг тотчас опустился перед отцом на колени: огромные, зияющие зрачки смотрели с утомленного отцовского лица искоса, но неотрывно.

— Нет у тебя никакого друга в Петербурге. Ты всегда был выдумщик и теперь вот не удержался, даже отца решил разыграть. Ну откуда у тебя — и друг в Петербурге! В жизни не поверю.

— Да ты лучше вспомни, отец, — увещевал Георг, приподнимая отца с кресла и, пока тот стоял, слабый и опешивший от растерянности, ловко снимая с него халат, — скоро почти три года пройдет, как этот мой друг нас навещал. Помню, ты вообще-то не особенно его жаловал. По крайней мере дважды мне пришлось сказать тебе, что у нас никого нет, хотя он в это время как раз в моей комнате сидел. Причем я даже понимал тогда твою неприязнь, этот мой друг — он со странно-стями. Но иногда ты вполне благосклонно с ним беседовал. Я, помню, ужасно гордился, что ты вообще его выслушиваешь, киваешь, вопросы задаешь. Ты подумай хорошенько и обязательно вспомнишь. Он рассказывал невероятные истории о русской революции. К примеру, о беспорядках в Киеве, где он был в деловой поездке и своими глазами видел, как священник, стоя на балконе, прямо у себя на ладони вырезал крест и воззвал к толпе, вскинув над собой окровавленную руку. Ты потом сам не раз эту историю пересказывал.

Тем временем Георгу удалось снова усадить отца и осторожно стянуть с него трикотажные штаны, которые тот носил поверх подштанников, и снять носки. При виде несвежего исподнего ему стало совестно: он совсем запустил отца. Разумеется, следить за отцовским бельем — тоже его обязанность. С невестой он еще ни

разу всерьез не обсуждал, как они обустроят отцовское будущее, но молчаливо подразумевалось, что отец останется жить на старой квартире один. Сейчас в порыве внезапной решимости Георг твердо вознамерился приютить отца в их будущем жилище. Ведь, приглядевшись пристальнее, в пору едва ли не опасаться, как бы забота и уход, уготованные старику на новом месте, не оказались запоздалыми.

Георг на руках понес отца в постель. Прodelывая недолгий путь до кровати, он чуть не обомлел от ужаса, когда понял, что прильнувший к его груди старец поигрывает цепочкой его часов. Даже уложить отца удалось не сразу — с такой силой он за эту цепочку ухватился.

Но едва он очутился в постели, все вроде бы уже снова сделалось хорошо. Отец сам укрылся, а потом и с особой тщательностью укутал одеялом плечи. И на Георга теперь, снизу, смотрел вроде бы поласковее.

— Верно ведь, ты его уже припоминаешь? — спросил Георг и ободряюще кивнул отцу.

— Я хорошо укрыт? — спросил отец, будто не в силах сам взглянуть, не торчат ли из-под одеяла ноги.

— Видишь, тебе в кроватке уже нравится, — приговаривал Георг, аккуратнее подтыкая одеяло.

— Я хорошо укрыт? — со значением, будто от ответа многое зависит, спросил отец снова.

— Да успокойся, ты укрыт хорошо.

— Нет! — вскричал отец, мощью голоса разом перекрывая ответ Георга, и, отбросив одеяло с такой силой, что оно на миг развернулось в воздухе целиком, вскочил на кровати в полный рост и так воздвигся, лишь слегка придерживаясь за потолок рукой. — Ты-то хотел бы меня укрыть, навеки укрыть, я знаю, отродьнице мое, но нет, пока что я еще не укрыт. Сил моих, пусть и последних, на тебя-то хватит, даже с лихвой! А этого дружка твоего я прекрасно знаю. Да, вот такой сынок был бы мне по сердцу. Потому-то ты и обманывал его все эти годы.

А зачем бы еще? Думаешь, я не проливал о нем слезы? Ты для того и запираешься у себя в кабинете — «прошу не беспокоить, шеф занят», — лишь бы строчить там свои лживые письма в Россию. По счастью, отцу, чтобы сына насквозь видеть, никакая наука не нужна. Ты, как я погляжу, уверился, будто родителя вконец скрутил, настолько подмял, что хоть на голову ему садись, а он и не пикнет, и коли так, сынок наш, наш хозяин-барин, жениться надумал!

Снизу вверх Георг взирал на отца, ужасаясь его чудовищному преобразению. Петербургский друг, которого отец, оказывается, так хорошо знает, завладел его мыслями, как никогда прежде. Где-то вдаль он пропал на бескрайних просторах России. Стоял у дверей своей пустой, разграбленной лавки. Пока еще стоял — среди поломанных полок, распотрошенных товаров, вывороченных из стен газовых рожков. Ну зачем, зачем ему понадобилось уезжать в такую даль!

— Да ты посмотри на меня! — гаркнул отец, и Георг, словно замороженный, кинулся к кровати, стараясь все ухватить на лету, но на полпути запнулся.

— Она юбки подняла, — затынул вдруг отец нараспев глумливым голосом. — Она юбки подняла, гнусная бабенка, — и для вящей убедительности он задрал нижнюю рубаху, да так высоко, что обнажился даже шрам на бедре, след от раны, оставшийся у него после войны. — Она юбки подняла и так, и так, и так, а ты и рад попользоваться, но чтоб совсем без помех утолять на ней свою похоть, ты осквернил память нашей матери, предал друга, а отца запихнул в постель, пусть лежит и не шевелится. Ну как, может он еще пошевелиться или нет?

Молодецки распрямившись, он приплясывал, лихо вскидывая ноги. И при этом торжествующе сиял — до того ему собственная выдумка нравилась.

Георг замер в углу, как можно дальше от отца. Чуть раньше, несколько долгих мгновений назад, он твердо

решил, что будет смотреть в оба, дабы ничто и ниоткуда, ни сзади, ни сбоку, ни сверху, не обрушилось на него врасплох. Теперь он вдруг снова вспомнил об этом своем решении и тут же снова позабыл — так ускользает из игольного ушка слишком короткая нитка.

— А друг все-таки еще не предан! — вскричал отец, в подтверждение своих слов вздевая над головой трясучий указательный палец. — Здесь, на месте, его поверенным был я!

— Комедиант! — не удержался от выкрика Георг, в тот же миг, но все равно слишком поздно, пожалев о промашке — он даже язык прикусил, да так сильно, что от боли потемнело в глазах, чуть не подкосились ноги.

— Ну да, разумеется, я ломал комедию! Комедия! Словечко-то какое славное. А чем еще прикажешь потешить себя овдовевшему старику отцу? Скажи-ка — и пока будешь отвечать, как сын ты для меня все еще жив, а что мне еще оставалось делать в своей убогой задней каморке, замшелому старику, затравленному собственными, когда-то такими верными служащими? В то время как сын мой разгуливает гоголем, заключает сделки, подготовленные еще мною, купается в удовольствиях, а из дома выходит с непроницаемой физиономией порядочного человека, не удостоив отца даже взглядом? Или, думаешь, я, родитель твой, тебя не любил?

«Сейчас та подастся вперед, — осенило Георга. — Хоть бы он упал и расшибся». Последнее слово пронеслось в голове со змеиным шипением.

Отец и вправду подался вперед, но не упал. А заметив, что Георг и не думает к нему приближаться, выпрямился снова.

— Стой, где стоишь, не больно ты мне нужен! Думаешь, ты в силах подойти, а в углу жмешься только потому, что тебе так хочется? Смотри, не просчитайся! Я по-прежнему гораздо сильнее тебя. Один я, может, еще

и спасовал бы, но теперь за мной и сила нашей матери, и с дружкой твоим я отлично поладил, и все клиенты твои у меня в кармане!

«У него даже в нижней рубаше карманы», — изумился Георг, попутно успев подумать, что одним этим наблюдением можно опозорить отца на весь свет. Но и эта мысль промелькнула лишь на миг и тут же забылась, ибо сейчас он забывал все и сразу.

— Только попробуй попасться мне на глаза со своей невестой под ручку! Я просто смету ее с пути, ты и охнуть не успеешь!

Георг скривил гримасу — мол, так он и поверил. Отец в ответ, неотрывно глядя в его угол, только грозно закивал в знак того, что именно так все и будет.

— Как же ты сегодня меня потешил, когда пришел спрашивать, писать или не писать дружку о помолвке! Дурачок, он же и так все знает, он все знает и так! Это я ему пишу, ведь ты же не сообразил отобрать у меня перо и бумагу. Потому-то он столько лет и не приезжает, он все знает во сто раз лучше, чем ты сам. Твои письма он, не читая, одной левой комкает, а мои берет правой рукой и читает внимательно! — От воодушевления рука его взмыла над головой. — Он все знает в тысячу раз лучше! — выкрикнул отец.

— В десять тысяч! — съязвил Георг, желая подразнить отца, но даже в нем самом, еще не успев сорваться с уст, слова эти прозвучали до смерти серьезно.

— А я-то который год жду, когда же сынок пожалует ко мне с этим вопросом! Думаешь, хоть что-то еще меня волнует? Думаешь, я читаю газеты? Вот! — И он швырнул Георгу газетный лист, бог весть какими судьбами завалившийся в постели. Какая-то старая газета, Георг даже названия такого не помнил. — Долго же ты мешкал, прежде чем решиться! Мать умерла, так и не дождавшись заветного денечка, друг там в своей России вконец пропадает, уже три года назад весь желтый был, краше в гроб